

УДК 351.74:343.9(470.53)''1914/1916''(045)

С.М. Рязанов

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЧИНОВ УРАЛЬСКОЙ ПОЛИЦИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Цель настоящего исследования — изучить характер и причины преступности среди уральских полицейских. Анализ их уголовных правонарушений в 1914–1916 гг. позволил выявить следующую структуру преступности: 2/3 преступлений, совершенных полицейскими классного состава, составляли превышения должностных полномочий и незаконные действия по отношению к вверенному имуществу, 2/3 преступлений нижних чинов касались исключительно «превышения власти». Все остальные уголовно наказуемые деяния были в уральской полиции распространены незначительно. При рассмотрении данных по губерниям обращает на себя внимание, что 2/3 всех преступлений уральской полиции приходится на Пермскую губернию, тогда как наименее криминализованной являлась полиция Оренбургской. Основными причинами правонарушений уральских полицейских можно считать недостаточный культурно-образовательный уровень, чрезмерное употребление спиртного, низкое материальное обеспечение, «крестьянский менталитет» и непонимание социальной ответственности, которую накладывает статус полицейского.

Ключевые слова: правонарушение, Пермская губерния, полицейский надзиратель, полицейская стража, Первая мировая война.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-34-42

Цель настоящей публикации — анализ преступлений личного состава полиции Урала накануне и в годы Первой мировой войны. Для достижения цели необходимо последовательно решить две основные задачи: первая — выявление структуры преступности среди полицейских, вторая — выяснение её причин.

Тему правонарушений сотрудников правоохранительных органов Российской империи нельзя назвать неисследованной. Впервые она была поднята ещё современниками событий — либеральными юристами конца XIX — начала XX в. Причину этого негативного явления они видели, прежде всего, в несовершенстве законодательства. «В настоящее время неопределённость, многочисленность и разбросанность полицейских правил естественно и необходимо приводят к тому, что даже в руках самого добросовестного полицейского чина присвоенная ему власть легко обращается в произвол или бесполезное стеснение для населения» [3, с. 2], — писал В. М. Гессен. Советскими исследователями дореволюционной полиции эта проблема также неоднократно поднималась. Более того, находясь под сильным влиянием ленинских работ, прежде всего, «Бей, но не до смерти» [8, с. 401–416], именно в нарушении прав «трудящегося и эксплуатируемого народа» видели они «классовую сущность» полиции. Например, Т. У. Воробейкова и А. Б. Дубровина утверждали: «...Вся деятельность полиции в России была основана на нечестности, грубости и рукоприкладстве» [2, с. 32]. Однако и классики русского права, и советские исследователи не анализировали сколько-нибудь серьёзно местные архивные материалы, опирались в своих выводах на публицистику и отдельные прецеденты.

С конца 1990-х гг., накануне 200-летия МВД началось активное обращение учёных к истории органов внутренних дел отдельных регионов России. Несмотря на юбилейный характер части изданий, совсем обойти вниманием проблему правонарушений сотрудников полиции историки не могли. Не имея возможности в рамках журнальной статьи проанализировать всю новейшую историографию вопроса, остановимся лишь на тех работах, которые непосредственно касались уральского региона. В начале 2000-х гг. С. А. Трушков критически рассмотрел чиновничий состав полицейских управлений Вятской губернии в 1864–1903 гг. Однако правонарушения нижнего состава полиции, которых было значительно больше, оказались вне его исследовательского поля [13, с. 108–114]. Е. П. Сичинский на материале Оренбургской и Уфимской губерний пришёл к выводу, что если для полицейского руководства правонарушения являлись скорее исключением, нежели правилом, то среди нижнего состава полиции различные преступления были, напротив, широко распространены. Идя дальше в своём анализе, в качестве причины превышения полицейскими своих полномочий, исследователь обозначил низкий образовательный уровень и «крестьянский менталитет» нижних чинов [12, с. 207, 212].

Таким образом, обнаруживается ряд «белых пятен» в изучении правонарушений уральских полицейских начала XX в. В Вятской губернии изучены преимущественно преступления и проступки со стороны чиновничьего состава, в Оренбургской и Уфимской, наоборот, нижних чинов. Практически неостребованными исследователями остались данные о правонарушениях полиции Пермской губернии, за исключением периода Первой мировой войны [11, с. 220–225]. Полностью восполнить эти лакуны вряд ли возможно в рамках небольшой статьи, поэтому хронологические рамки настоящего исследования были значительно сужены.

Для достижения цели, помимо литературы, был привлечён значительный круг неопубликованных источников: делопроизводственной документации и тесно примыкающей к ней служебной статистики. Основную опору при решении первой задачи составили создаваемые губернскими правлениями и доставляемые в Департамент полиции «Цифровые ведомости чинов полиции, привлечённых к уголовной ответственности», с приложенными к ним поимёнными списками осуждённых полицейских чиновников. Данные документы аккумулировали сведения обо всех подследственных, подсудимых, осуждённых и оправданных полицейских в губернии за один год или три месяца. В Государственном архиве Российской Федерации подобные источники сохранились по всем губерниям за 1914–1916 гг. Для решения второй задачи использовались рапорты, протоколы, жалобы и постановления, отложившиеся в фондах полицейских и судебных учреждений региона. Из опубликованных источников принципиальное значение для раскрытия темы имеет «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции 1885 г.

Географические рамки исследования ограничены Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерниями. На все из них в полной мере распространялись «Временные правила о полиции» 1862 г., а потому структура административно-полицейских органов накануне Первой мировой войны не сильно различалась. Формальным главой полиции являлся сам губернатор, который как «главный начальник губернии» имел много других обязанностей. Ему через губернское правление подчинялись полицейские управления. В рассматриваемый период в Пермской губернии существовало два городских (Пермское и Екатеринбургское), 12 уездных полицейских управлений и три горно-полицейских округа. Во главе уездных полицейских управлений стояли уездные исправники, горных округов — горные исправники, а городские полиции возглавлялись полицмейстерами. В распоряжении руководителей полицейских управлений состояла вся остальная полиция, включая их непосредственных помощников. Каждый уезд Пермской губернии, «в полицейском отношении», делился на 3–6 станов во главе со станowymi приставами. Кроме того, особые полицейские приставы возглавляли наиболее крупные заводские поселения и уездные города. Пристав Нижнетагильского завода незадолго до революции 1917 г. получил даже статус полицмейстера. Города Пермь и Екатеринбург делились каждый на три полицейские части во главе с частными приставами [1, с. 128–132]. В самой малонаселённой из уральских губерний, Оренбургской, уездных полицейских управлений было всего 5, в Уфимской — 6, Вятская губерния, в свою очередь, делилась на 11 уездов. Кроме того, во всех уральских губернских центрах имелись городские полицейские управления. Накануне революции началось также формирование независимого от уездного исправника городского полицейского управления в Челябинске Оренбургской губернии [12, с. 251]. Кроме того, с 1908 г. во всех губернских городах при полицейском управлении были созданы сыскные отделения для борьбы с профессиональной преступностью, с 1916 г. сыскное отделение действовало и в Екатеринбурге [11, с. 42]. «Низы» «исполнительного состава» полиции — это помощники приставов, полицейские и околоточные надзиратели. Делопроизводством полицейских управлений ведала Канцелярия во главе с секретарём, которому подчинялись столоначальники и регистратор. Представители нижнего состава полиции не имели статуса чиновников. Были представлены волостными и заводскими урядниками (участковыми), полицейскими стражниками и городовыми. Формально стража, как и волостные урядники, являлась сельской полицией, однако на практике в большинстве уездов была стянута на случай беспорядков в крупные административные и индустриальные центры.

Согласно правовому механизму Российской империи, в случае если какой-либо полицейский чин, будь то простой городской или сам полицмейстер, заподозривались в преступлении по должности, то, прежде чем передать дело в суд, проводилось расследование губернским правлением. Только если обстоятельства дела подтверждались, и в них находились признаки не просто проступка, но должностного преступления, дело передавалось в соответствующую судебную инстанцию. Исследователь С. В. Любичанковский полагал, что данная «система “административной гарантии” делала чи-

новника ответственным лишь постольку, “поскольку этого хочет начальство”» [9, с. 164]. Действительно, случаи, когда уральские губернаторы «не желали выносить сор из избы», были частым явлением. Однако вышеприведённое утверждение весьма спекулятивно. На основании сохранившихся источников невозможно доказать, что чиновник был предан суду в силу того, что губернские власти решили им пожертвовать, а не по причине убедительности представленных против него улик.

Многие жалобы на полицейских оставались «без последствий» из-за их необоснованности или отсутствия иных свидетелей, кроме самих «стражей порядка». Так, из 64 жалоб на чинов Пермской уездной полиции, рассматриваемых в 1914–1916 гг. Пермским губернским правлением и пермским уездным исправником, 51 (79,69 %) была признана несостоятельной [5, ф. 132, оп. 3, д. 73, 75]. Схожая картина наблюдалась и на более раннем этапе. Рассмотрим в качестве примера случай, описанный в постановлении вятского полицмейстера от 30 июля 1907 г. Крестьянин М. И. Кощенков был арестован по подозрению в краже. На допросе он «сдал» своих «подельников», во-первых, потому что был при дележе краденного ими избит, а, во-вторых, потому что помощник пристава 1-й части г. Вятки Леонтьев обещал ему за это две бутылки пива. Но, видимо, обещания своего помощник пристава не сдержал, потому что М. И. Кощенков пожаловался на избивание его Леонтьевым при допросе. Несостоятельность доноса подтверждалась не только всеми присутствующими свидетелями, включая уже уволенных из полиции городских и сокамерника М. И. Кощенкова, но и врачом, к которому жалобщик был доставлен из камеры с нагноением уха. Последний на побои тогда не жаловался, а следов побоев доктор не нём не обнаружил [4, ф. 721, оп. 1, д. 635, л. 62–63].

Однако «защитой» губернского правления полицейский мог пользоваться лишь в случае совершения им «преступления по должности». За общеуголовные деяния чины полиции несли ответственность на общих основаниях. Например, кавалер ордена Святого Станислава III степени, обладатель 8 (!) благодарностей и премий губернатора, а также министра внутренних дел шадринский уездный исправник С. К. Кириллов [5, ф. 36, оп. 10, д. 772, л. 104–109] осенью 1913 г. совместно с супругой совершил кражу разного имущества из квартиры вдовы А. И. Ефимовой. При этом войти в доверие к потерпевшей ему, без сомнения, помог занимаемый пост [7, ф. 11, оп. 5, д. 2422, л. 99–101об]. В начале 1915 г. виновность полицейского была доказана судом, и он был приговорен к 1,5 годам арестантских рот [5, ф. 36, оп. 10, д. 772, л. 103].

Ещё более парадоксален казус пристава 5-го стана Екатеринбургского уезда В. Л. Смоленского. За «нанесение смертельной раны» оскорбившему его 18-летнему крестьянину Т. Ф. Зырянову 22 октября 1912 г. пристав был приговорен к трём годам заключения в арестантском исправительном отделении и лишению всех прав состояния. Однако милостью императора размер наказания был уменьшен до года тюрьмы без поражения в правах. Таким образом, за исключением года, проведённого в тюрьме, В. Л. Смоленский фактически не оставлял работы в полиции. Находясь под следствием, сначала в статусе причисленного к штату Пермского губернского правления, а затем — исключённого из него, он трудился вольнонаёмным писцом Екатеринбургского уездного полицейского управления. К той же работе В. Л. Смоленский вернулся после отбывания наказания. 11 сентября 1914 г. он был вновь зачислен в штат губернского правления, а через месяц назначен полицейским надзирателем Верх-Исетского завода. В конце 1916 г. В. Л. Смоленский был даже повышен до пристава, правда, другого стана [5, ф. 36, оп. 10, д. 943, л. 54, 54об, 64об–66].

Эти казусы, безусловно, демонстрируют несовершенство правового механизма государственной службы Российской империи, а последний — ещё и «кадровый голод», порождённый Первой мировой войной. В то же время нужно констатировать, что это всего лишь два дела полицейских чиновников Пермской губернии конца XIX — начала XX в. из 152 изученных на настоящий момент, т. е. 1,32 % от общей массы. Таким образом, общеуголовные преступления среди уральского полицейского чиновничества были достаточно слабо распространены. Надо полагать, что число общеуголовных правонарушений, совершённых нижними чинами, в силу их более низкого уровня правовой культуры, было значительно больше. Однако в связи с тем, что какой-либо статистики по данному вопросу не велось, подтвердить это невозможно.

Иначе обстоит дело с должностными преступлениями. В Государственном архиве Российской Федерации сохранилась информация о судимости полицейских чинов за 1914–1916 гг. (см. табл. 1). Тем не менее, картина, которую репрезентуют эти сведения, выходит за указанные хронологические рамки, т. к. преступления, за которые полицейские были осуждены в этот период, могли быть совершены значительно раньше.

Таблица 1

**Сведения о привлечении классных чинов уральской полиции к уголовной ответственности
в 1914–1916 годах**

Губерния	Годы			Итого
	1914	1915	1916	
Вятская	0	2	2	4
Оренбургская	3	0	0	3
Пермская	9	11	14	34
Уфимская	9	3 ¹	7	19
Итого	21	16	23	60

Рассчитано по: 6, ф. 102, дп 3, 1914 г., д. 194, ч. 11, л. 28–29, 56–57, 89–90; д. 194, ч. 32, л. 6–7, 11–12, 18–19, 22–23, 28–29, 31–32, 36–37, 41–42, 45–46, 50–51, 55–56, 60–61, 65–66, 69–70, 74–75, 78–79, 83–84, 86–87; д. 194, ч. 35, л. 60–61, 129–130, 198–199; д. 194, ч. 57, л. 31–32, 40–41, 44–45, 50–51, 54–55, 59–60, 90–91.

Таким образом, преступления по должности были распространены в уральской полиции значительно шире, чем общеуголовные деяния. Так, в Пермской губернии только в 1916 г. к уголовной ответственности были привлечены 14 чел. (см. табл. 1), что составляло 7,11 % от личного состава полицейских чиновников на 1 ноября 1916 г. [1, с. 11–124].

Сохранившиеся в фонде Департамента полиции сведения позволяют также изучить характер преступлений, совершённых полицейскими чиновниками в рассматриваемый период. Наиболее распространёнными правонарушениями оказались преступные деяния, связанные с «превышением власти и противозаконном оной бездействии» (ст. 338–350 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных»). Они составили 34,92 % всех преступлений уральских полицейских. Чуть меньше была доля «противозаконных поступков должностных лиц при хранении и управлении вверяемого им по службе имущества» (ст. 351–360; 31,75 %). Все остальные группы преступлений были среди уральской полиции распространены в гораздо меньшей степени. Случаи «медлительности, нерадения и несоблюдения особого порядка в отправлении должности» (ст. 410–425) составляли всего 9,52 % преступлений полицейских чинов. Доли по 6,35 % имели дела «о подлогах по службе» (ст. 361–365) и «о преступлениях и проступках чиновников полиции» (ст. 446–459). К последним «Уложением о наказаниях...» относились непредотвращение преступления, несвоевременное донесение о преступлении, содержание задержанного в непредназначенном для этого помещении и др. Только 4,76 % преступлений полицейских относились к «мздоимству и лихоимству» (ст. 372–382). 3,17 % составляли случаи «противозаконного задержания и заключения» (ст. 1540–1544). Кроме того, в 1915 г. в Пермской губернии отмечен один случай, относящийся к «нарушению долга подчинённости» (ст. 392–397). А в Вятской губернии в 1916 г. один полицейский осуждён за «смертоубийство» (ст. 1449–1471) [6, ф. 102, дп 3, 1914 г., д. 194, ч. 11, л. 28–29, 56–57, 89–90; д. 194, ч. 32, л. 6–7, 11–12, 18–19, 22–23, 28–29, 31–32, 36–37, 41–42, 45–46, 50–51, 55–56, 60–61, 65–66, 69–70, 74–75, 78–79, 83–84, 86–87; д. 194, ч. 35, л. 60–61, 129–130, 198–199; д. 194, ч. 57, л. 31–32, 40–41, 44–45, 50–51, 54–55, 59–60, 90–91; 14]. Таким образом, криминальная активность уральских полицейских чиновников выражалась, прежде всего, в превышении власти, а коррупционная составляющая проявлялась, как правило, не в получении взяток, а в недобросовестном обращении с вверенным полицейским имуществом и денежными средствами.

Разумеется, тяжесть преступлений, совершённых полицейскими чиновниками даже по двум ключевым основаниям, была различна, а в силу этого и тяжесть приговора. Так, бывший полицейский надзиратель Усть-Катавского завода Д. И. Некрасов за нарушение ч. 1 ст. 347 «Уложения о наказаниях...» (оскорбление словом или действием, находясь при исполнении) был приговорён 24 ноября 1914 г. Уфимским окружным судом к аресту при тюрьме на 4 дня [10, ф. и-85, оп. 2, д. 52, л. 8; 14]. В то же время бывший полицейский надзиратель 1-й части г. Кунгура Пермской губернии А. Ф. Помыткин приговором Казанской судебной палаты от 23 сентября 1914 г. был признан винов-

¹ По Уфимской губернии за ноябрь — декабрь 1915 г. сведений нет.

ным по ст. 362 (подлог документов с корыстной целью) и приговорен к заключению в крепость на 8 мес. [6, ф. 102, дп 3, 1914 г., д. 194, ч. 35, л. 41об, 42; 14].

При рассмотрении преступности среди нижнего состава полиции приходится констатировать, что, несмотря на значительную разницу в количестве, она демонстрирует схожие тенденции, что и среди чиновников (табл. 1–2). Так, наиболее криминализированной показала себя полиция Пермской губернии, её сотрудниками было совершено 65,66 % всех уголовно наказуемых деяний уральских «стражей порядка» (56,67 % от всех преступлений полицейских чиновников и 67,26 % от всех преступлений нижнего состава полиции). Наименьшее количество преступлений, согласно официальной статистике, совершили полицейские Оренбургской губернии. За два года войны не было привлечено к уголовной ответственности ни одного полицейского. Причём нельзя оправдать это тем, что дела якобы просто не доводились до суда. Так, в 1915–1916 гг. «под судом» в Оренбургской губернии состояли 57 полицейских. Это на 5 чел. больше, чем в Уфимской губернии, в которой за то же время были осуждены 50 полицейских. Просто по делам оренбургских «стражей порядка» выносились оправдательные приговоры. Обращает также на себя внимание небольшое число полицейских, привлечённых к уголовной ответственности в обширной Вятской губернии, общие штаты полиции которой были вполне сравнимы с пермскими. Число полицейских, состоявших «под судом» в 1914–1916 гг., также было в Вятской губернии невелико, даже в сравнении с Оренбургской (в 1,96 раза меньше) и Уфимской (в 1,39 раза), не говоря уже о Пермской губернии (в 5,34 раза) [6, ф. 102, дп 3, 1914 г., д. 194, ч. 11, л. 28–29, 56–57, 89–90; д. 194, ч. 32, л. 6–7, 11–12, 18–19, 22–23, 28–29, 31–32, 36–37, 41–42, 45–46, 50–51, 55–56, 60–61, 65–66, 69–70, 74–75, 78–79, 83–84, 86–87; д. 194, ч. 35, л. 60–61, 129–130, 198–199; д. 194, ч. 57, л. 31–32, 40–41, 44–45, 50–51, 54–55, 59–60, 90–91].

Таблица 2

Сведения о привлечении нижних чинов уральской полиции к уголовной ответственности в 1914–1916 годах

Губерния	Годы			Итого
	1914	1915	1916	
Вятская	15	9	1	25
Оренбургская	9	0	0	9
Пермская	120	65	43	228
Уфимская	37	19 ²	21	77
Итого	181	93	65	339

Рассчитано по: 6, ф. 102, дп 3, 1914 г., д. 194, ч. 11, л. 28–29, 56–57, 89–90; д. 194, ч. 32, л. 6–7, 11–12, 18–19, 22–23, 28–29, 31–32, 36–37, 41–42, 45–46, 50–51, 55–56, 60–61, 65–66, 69–70, 74–75, 78–79, 83–84, 86–87; д. 194, ч. 35, л. 60–61, 129–130, 198–199; д. 194, ч. 57, л. 31–32, 40–41, 44–45, 50–51, 54–55, 59–60, 90–91.

Структура преступности нижнего состава, напротив, значительно отличается от чиновничьей. Здесь также лидируют деяния, связанные с превышением должностных полномочий или преступным бездействием полицейских, однако если среди чиновников «превышение власти» составляло 1/3 всех преступлений, то среди нижнего состава — 2/3 (65,53 %). Все остальные преступления были распространены в значительно меньшей степени. 6,05 % приходилось на взяточничество, что несколько превышало показатели «мздоимства и лихоимства» чиновничьего состава. По 5,79 % составляли доли специальных преступлений чинов полиции и преступлений, связанных с «нанесением увечий, ран и других повреждений здоровью» (ст. 1477–1496). Если доля первых была почти идентична выявленным среди чиновников, то вторые среди классного состава не встречались совсем. По 4,21 % обвинительных судебных приговоров нижних чинов приходилось на преступления, касающиеся недобросовестного обращения с «вверенным по службе имуществом» и «нерадения по службе». Таким образом, эти основные преступления чиновничьего состава занимали в структуре преступности нижних чинов гораздо меньше места (первое — в 7,54 раза, второе — в 2,26). Кроме того, в 1914 г. в Пермской губернии были признаны виновными в убийстве 14 полицейских (3,68 %). 2,63 % преступлений

² По Уфимской губернии нет сведений за ноябрь — декабрь 1915 г.

уральских полицейских пришлось на «противозаконные задержания и заключения», пять полицейских нарушили «долг подчиненности», два совершили деяния, связанные с «нарушением при вступлении в должность и оставлении оной правил» (ст. 383–387). Один был признан виновным в подлоге по службе [6, ф. 102, дп 3, 1914 г., д. 194, ч. 11, л. 28–29, 56–57, 89–90; д. 194, ч. 32, л. 6–7, 11–12, 18–19, 22–23, 28–29, 31–32, 36–37, 41–42, 45–46, 50–51, 55–56, 60–61, 65–66, 69–70, 74–75, 78–79, 83–84, 86–87; д. 194, ч. 35, л. 60–61, 129–130, 198–199; д. 194, ч. 57, л. 31–32, 40–41, 44–45, 50–51, 54–55, 59–60, 90–91; 14].

Из этого следует, что образ полицейского, который систематически попирает права граждан, рисуемый в либеральной печати начала XX в., отражал вполне реальные проблемы в деятельности полиции Российской империи. Однако сами факты правонарушений в оппозиционных газетах систематически искажались. Так, столичные «Биржевые ведомости» сообщали 18 июля 1910 г., что некто Суханов, пытавшийся защитить жену от оскорблений урядника Мехонской волости Шадринского уезда Пермской губернии Ворошина, был зверски избит полицейским. «Расправившись со своей жертвой, урядник сказал сбежавшимся крестьянам: “Уберите несчастный труп. Знайте, как расправляются с вашим братом”» [6, ф. 102, дп 3, 1910 г., д. 25, л. 55], — заканчивал анонимный корреспондент. Причём, учитывая, что, даже по словам самой жалобщицы — супруги Суханова, во дворе никого не было, окончание сцены является откровенным вымыслом журналиста. Как выяснило расследование советника Пермского губернского правления Перфильева, полицейский урядник Ворошин и Суханов были хорошими друзьями, а избит Суханов был собственной женой, которая ревновала мужа к супруге урядника. Изложенные Перфильевым сведения подтверждались множеством свидетельских показаний. Однако в ходе расследования выяснилось, что полицейский урядник позволил себе ряд незначительных правонарушений, связанных с употреблением спиртного, поэтому Ворошин был приговорен к 7 суткам ареста при полиции и переведён в другую волость как скомпрометировавший себя в глазах местного населения [6, ф. 102, дп 3, 1910 г., д. 25, л. 50–53].

Говоря о причинах правонарушений уральских полицейских, необходимо признать, что они напрямую не указываются в источниках, а потому носят скорее характер гипотез. Высказанные далее предположения, безусловно, нуждаются в более детальном обосновании и корректировке, в т. ч., с использованием методов социальной психологии. Во-первых, это упомянутый Е. П. Сичинским низкий культурно-образовательный уровень. Причём эта причина указывалась не только применительно к нижнему составу, но отчасти и к классным чинам, прежде всего, конечно, к «низам» полицейского чиновничества. Однако в рассматриваемый период многие полицейские достаточно высокого ранга уже происходили «из урядников». Например, обвиняемый лысьвенскими рабочими в многочисленных избиениях стачечников в марте — мае 1914 г. [15, ф. 41, оп. 2, д. 252, л. 112] помощник пермского уездного исправника П. Л. Киселев начал свою карьеру в 1902 г. с должности полицейского урядника в Екатеринбургском уезде, происходил из крестьян и обучался только в Кыштымском двухклассном начальном училище [5, ф. 36, оп. 10, д. 775, л. 2об, 3, 59об]. Ещё хуже обстояло дело с образованностью среди полицейской стражи. Помощник начальника Штаба отдельного корпуса жандармов генерал-майор Д. А. Правиков, инспектировавший уфимскую уездную стражу в 1915 г., отмечал: «Обязательные для стражников сведения усвоены в пределах крайне ограниченных, общая подготовка и развитие требует больших усилий со стороны инспектора стражи» [6, ф. 110, оп. 11, д. 983, л. 3].

Не обладая достаточной компетентностью в деле ведения расследований, необразованные чины полиции предпочитали «выбивать» показания из подозреваемых, нежели скрупулезно искать улики. Вопиющий случай имел место в Невьянском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии. 26 октября 1909 г. заподозренная в краже золотых часов крестьянка Шестакова была арестована полицейским надзирателем А. Гулиным и до 31 октября, в отсутствие пристава, подвергалась пыткам, в которых помимо самого чиновника, участвовали стражник Бардин и потерпевший Минин. А. Гулин бил Шестакову кулаками в течение 15 мин., разбил ей нос до крови и связал ей руки шнурком. Стражник Бардин ударял Шестакову несколько раз кнутом по спине со словами: «Шурка, сказывай, где часы?», а потерпевший брал Шестакову за волосы и ударял головой о стол. «Пристрастные допросы» подтверждались актом медицинского освидетельствования пострадавшей. Однако заставило полицейских пойти на такие крайние меры вовсе не желание «защитить интересы господствующего класса», а то, что гастролирующая в заводе «хиромантка» указала на Шестакову как на похитительницу часов. Пермское губернское правление признало обоих полицейских виновными, передало дело в суд и уволило «без прощения» [6, ф. 102, дп 3, 1909 г., д. 1, ч. 18а, л. 142–142об].

Во-вторых, проблемой, особенно для нижнего состава полиции, было чрезмерное употребление алкоголя и по причине того, что среди «податных сословий», из которых они происходили, эта форма социальной девиации была значительно распространена, и в связи с тем, что многие нижние чины полиции были в значительной степени люмпенизированы. Нередко преступления и проступки нижних чинов совершались в состоянии алкогольного опьянения. Так, стражник Пермской уездной полиции А. К. Рыжев 2 ноября 1910 г. на ст. Пермь-2, ожидая прихода почты, которую должен был сопровождать, «напился пьяным». Когда же прибыл поезд, и А. К. Рыжев попытался зарядить винтовку, то нечаянным выстрелом тяжело ранил стоявшую рядом крестьянку Е. И. Ермакову [5, ф. 132, оп. 3, д. 467, л. 15–15об].

В-третьих, нельзя умолчать о значении фактора низкого материального обеспечения полицейских, который также заставлял их искать не вполне законные источники дохода. В этом отношении интересен казус сверхштатного полицейского надзирателя Закамского участка Оханского уезда Пермской губернии И.-М. И. Вондаловского [5, ф. 36, оп. 10, д. 691, л. 40]. 15 сентября 1911 г. он был уволен от службы «без прошения» по причине многочисленных обвинений в преступлениях и проступках по службе. Однако ни по одному из них он не был предан суду. Вполне резонно полагая, что его увольнение было незаконным, И.-М. И. Вондаловский за время отставки написал множество прошений пермскому губернатору. В одном из них уволенный чиновник утверждал, что при жаловании 28–30 руб. в месяц за свой счёт оборудовал и содержал канцелярию, что ему за 2,5 года обошлось в 1345 руб., и просил вернуть сумму. Губернатор признал претензию справедливой, хотя и не смог точно установить затраченное на канцелярию количество средств. Таким образом, расходы полицейского надзирателя если и не превышали в 1,5 раза его жалование, то, по крайней мере, сильно его обременяли, а ведь полицейскому нужно было ещё содержать себя и семью, оплачивать обучение сына в реальном училище. В связи с этим «задавливания в мелочных лавках» представляются вполне объяснимыми. В июле 1915 г. И.-М. И. Вондаловский был восстановлен на службе [11, с. 183–184].

Низкое жалование нижних чинов и канцелярских служащих было также косвенным криминализирующим фактором, т. к. приводило к тому, что, не имея достойных кандидатов, власти были вынуждены принимать на службу в полицию людей «сомнительных нравственных качеств». Уфимский уездный исправник в 1906 г. прямо доносил губернатору, что «никто из трезвых и честных не пойдёт» работать городovým за такой оклад. И учитывая, что вплоть до 1916 г. оклады городových не увеличивались [12, с. 214], а инфляция росла, то вряд ли в рассматриваемый в статье период слова руководителя уфимской полиции утратили свою актуальность.

В-четвёртых, не стоит забывать о влиянии социально-психологических факторов на поведение полицейских. Речь здесь идёт не только о вышеупомянутом «крестьянском менталитете», согласно которому нет ничего зазорного в том, чтобы вместо «привлечения к законной ответственности» подвергнуть виновного «кулачной расправе», но и о том, что, получив по должности административно-властные полномочия, малообразованные подданные неправильно понимали свой новый статус. «Жена Шерстобитова каждому ночному заявителю отвечает через окно, что *барина* нет дома, и, вообще, Шерстобитов уклоняется от исполнения моих прямых распоряжений, и на вопрос мой сегодня, почему он не знал о пожаре, ответил мне в дерзкий способ, что он *не караульный*» (курсив наш. — С. Р.) [5, ф. 132, оп. 3, д. 600, л. 10об], — жаловался полицейский надзиратель Закамского участка Оханского уезда Пермской губернии на подчинённого ему конно-полицейского стражника 3 августа 1911 г. Очевидно, что подобные неадекватные представления о своём статусе со стороны нижних чинов были причиной и более серьёзных правонарушений, чем «нерадение по службе».

Таким образом, преступления полицейских чинов в начале XX в. преимущественно касались превышения должностных полномочий и незаконных действий по отношению к вверенному по службе имуществу. Для нижних чинов полиции на первый план выходили «превышение власти», которое нередко сочеталось с насилием по отношению к задержанным. Распределена преступность в уральской полиции была неравномерно: большая часть преступлений совершалась в Пермской губернии, тогда как наименее криминализована, согласно официальной статистике, была полиция Оренбургской. Основными криминогенными факторами были низкие культурно-образовательный уровень и материальное обеспечение полицейских, чрезмерное употребление алкоголя и непонимание социальной ответственности, которую накладывает статус полицейского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1917 год. Пермь: Изд. Перм. губ. стат. ком-та, 1917. 894 с.
2. Воробейкова Т. У., Дубровина А. Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. Киев: Киев. высш. шк. МВД СССР, 1973. 68 с.
3. Гессен В. М. Исключительное положение. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1908. 410 с.
4. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 721 Вятское городское полицейское управление.
5. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 36 Пермское губернское правление; Ф. 132 Пермское уездное полицейское управление.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 Департамент полиции МВД; Ф. 110 Штаб отдельного корпуса жандармов.
7. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 11 Екатеринбургский окружной суд.
8. Ленин В. И. Случайные заметки // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. М.: Изд-во полит. лит., 1967. С. 401–428.
9. Любичанковский С. В. Уральское губернское чиновничество в годы правления Николая II // Исторический вестник. 2013. Т. 3. С. 154–189.
10. Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. И-85 Уфимское уездное полицейское управление.
11. Рязанов С. М. Полиция Пермской губернии в годы Первой мировой войны. Пермь: Рос. военно-ист. о-во, 2017. 308 с.
12. Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М.: Майор, 2005. 266 с.
13. Трушков С. А. Администрация и полиция Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. Киров: ВСЭИ, 2003. 170 с.
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Н. С. Сытин, 1892. 796 с.
15. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41 Свердловский (Уральский) испарт.

Поступила в редакцию 21.04.2020

Рязанов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
E-mail: s_ryazanov@mail.ru

S.M. Ryazanov

CRIMES OF THE URAL POLICE JUST BEFORE AND DURING THE FIRST WORLD WAR

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-34-42

The purpose of this study is to analyze the nature and causes of crime among the Ural police. Analysis of their offenses in 1914–1916 revealed the following structure of crime: 2/3 of the crimes of the class composition of the police amounted to exceeding their official powers and illegal actions in relation to the entrusted property, 2/3 of the crimes of the lower ranks concerned exclusively “excess of power”. All other criminal offenses were not widespread in the Ural police. When considering the data on the provinces, it is noteworthy that 2/3 of all crimes of the Ural police are in the Perm province, while the police of the Orenburg province were the least criminalized. The main reasons for the violations of the Ural police can be considered an insufficient cultural and educational level, excessive drinking, poor material support, a “peasant mentality” and a lack of understanding of the social responsibility imposed by the status of a policeman.

Keywords: offense, Perm province, police overseer, police guard, World War I.

REFERENCES

1. Adres-kalendar' i spravochnaya knizhka Permskoj gubernii na 1917 god [Address-Calendar and Reference Book of the Perm Province for 1917]. Perm, Perm Provincial Statistical Committee Publ., 1917, 894 p. (In Russian).
2. Vorobeykova T. U., Dubrovina A. B. Preobrazovanie administrativno-policejskogo apparata, suda i tyuremnoj sistemy Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [Transformation of the Administrative-Police Apparatus, Court and Prison System of Russia in the Second Half of the 19th Century]. Kiev, Kiev Higher School of the MIA of the USSR Publ., 1973, 68 p. (In Russian).

3. *Gessen V. M.* Isklyuchitel'noe polozhenie [An Exceptional Situation]. St. Petersburg, Publication of the Legal Book Warehouse "Law", 1908, 410 p. (In Russian).
4. Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti [State Archives of the Kirov Region] (GAKO). Fund 721 Vyatskoe gorodskoe policejskoe upravlenie [Vyatka City Police Department] (in Russian, unpublished).
5. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archives of the Perm Kraj] (GAPK). Fund 36 Permskoe gubernskoe pravlenie [Perm Provincial Government]; Fund 132 Permskoe uezdnoe policejskoe upravlenie [Perm District Police Department] (in Russian, unpublished).
6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archives of the Russian Federation] (GA RF). Fund 102 Departament policii MVD [Police Department of the MIA]; Fund 110 Shtab ot del'nogo korpusa zhandarmov [Headquarters of the Separate Gendarmes Corps] (in Russian, unpublished).
7. Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti [State Archives of the Sverdlovsk Region] (GASO). Fund 11 Ekaterinburgskij okružnoy sud [Yekaterinburg District Court] (in Russian, unpublished).
8. *Lenin V. I.* Sluchajnye zametki [Random Notes]. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works], vol. 4, Moscow, Political Literature Publ., 1967, pp. 401–428. (In Russian).
9. *Lyubichankovskij S. V.* Ural'skoe gubernskoe chinovnichestvo v gody pravleniya Nikolaya II [Ural Provincial Bureaucracy during the Reign of Nicholas II]. Istoricheskij vestnik [Historical Herald], 2013, vol. 3, pp. 154–189. (In Russian).
10. Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [National Archives of the Republic of Bashkortosta] (NARB). Fund I-85 Ufimskoe uezdnoe policejskoe upravlenie [Ufa District Police Department] (in Russian, unpublished).
11. *Ryazanov S. M.* Policiya Permskoj gubernii v gody Pervoj Mirovoj vojny [Police of the Perm Province during the First World War]. Perm, Russian Military Historical Society Publ., 2017, 308 p. (In Russian).
12. *Sichinskij E. P.* Policiya Yuzhnogo Urala v period krizisa samodержaviya [Police of the Southern Ural during the Crisis of the Autocracy]. Moscow, "Major" Publ., 2005, 266 p. (In Russian).
13. *Trushkov S. A.* Administraciya i policiya Vyatskoj gubernii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Administration and Police of the Vyatka Province of the Second Half of the 19th – early 20th Centuries]. Kirov, VSEI Publ., 2003, 170 p. (In Russian).
14. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1885 goda [The Code of Criminal and Correctional Sentences of 1885]. St. Petersburg, N. S. Sytin, 1892, 796 p. (In Russian).
15. Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti [Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region] (CDOOSO). Fund 41 Sverdlovskij (Ural'skij) istpart [Sverdlovsk (Ural) Istpart] (in Russian, unpublished).

Received 21.04.2020

Ryazanov S.M., Candidate of History, Senior Lecturer
at Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines
Perm Institute of the FPS of Russia
Karpinskogo st., 125, Perm, Russia, 614012
E-mail: s_ryazanov@mail.ru